

Борис Баделин

Вторая книга из серии
«Зимняя охота на ангелов»

На полынных полях

aegitas

Зимняя охота на ангелов

Борис Баделин

На полынных полях

«Aegitas»

Баделин Б.

На полынных полях / Б. Баделин — «Aegitas», — (Зимняя охота на ангелов)

ISBN 978-1-98-790723-0

В Центральном разведывательном управлении США работали весьма эффективные специалисты. В Комитете государственной безопасности СССР люди тоже – не щи лаптем хлебали... Вот на этом правда повествования заканчивается, а дальше – полный произвол автора и его выдумки на темы известных и неизвестных, реальных и нереальных событий. Любые совпадения – случайны! ...Великие пакости, которые устраивали друг другу две могучих спецслужбы, иногда были истинными шедеврами мрачного человеческого интеллекта, как по замыслу, так и по исполнению.

ISBN 978-1-98-790723-0

© Баделин Б.

© Aegitas

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Борис Баделин

Зимняя охота на ангелов. Часть вторая. На полынных полях

*...Тогда, если кто скажет вам:
вот, здесь Христос, или там,
– не верьте,
Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие
знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.
Вот,
Я наперед сказал вам.
Итак, если скажут вам:
"вот,
Он в пустыне", – не выходите;
"вот,
Он в потаенных комнатах", – не верьте...*

От Матфея 24: 23-26.

*Светлой памяти Виталия Васильевича Фролова, русского
офицера, моего наставника и друга.*

Предисловие

В Центральном разведывательном управлении США работали весьма эффективные специалисты. В Комитете государственной безопасности СССР люди тоже – не щи лаптем хлебали...

Вот на этом правда повествования заканчивается, а дальше – полный произвол автора и его выдумки на темы известных и неизвестных, реальных и нереальных событий. Любые совпадения – случайны!

...Великие пакости, которые устраивали друг другу две могучих спецслужбы, иногда были истинными шедеврами мрачного человеческого интеллекта, как по замыслу, так и по исполнению.

Игра шла по всему миру, и в этой игре для обеих сторон не было этически или юридически непригодных средств. Да и вообще – для тайных войн никто и никогда не устанавливал законов и правил, и никто не подписывал никаких конвенций.

Однажды интересы противоборствующих мировых держав столкнулись в Афганистане.

Одни пришли туда с бескорыстной помощью в строительстве социализма, а другие столь же бескорыстно предлагали афганцам истинную западную демократию.

Афганским же пастухам было одинаково наплевать как на социализм шурави, так и на демократические ценности янки. Они были далеки от всей этой глупости и жили сообразно своим древним законам и обычаям.

Но на беду афганцев, в их долинах испокон веков рос особенный мак.

В древние времена причастные тайнам дервиши употребляли загустевший сок этого мака, чтобы ходить в тонкий мир, говорить там с духами предков и передавать живым их волю.

В новое время люди, почему-то объявившие себя цивилизованными, стали превращать маковый сок в глобальный стратегический продукт – героин, который в их ценностях поставлен в самый высокий и кровавый ряд вместе с золотом и нефтью.

И одного этого уже достаточно, чтобы Афганистан был обречён на бессмысленную для живущих здесь людей войну. Их держат в темноте и нищете, между их племенами и кланами искусно подогреваются распри, а их государству не позволяют иметь устойчивой власти, способной взять под контроль, а тем более – остановить производство героина...

Мы из Афганистана ушли.

К этому времени воспетый в гимне «союз нерушимый республик свободных» был уже на грани развала, а в его столице всё больше нарастала болезненная эйфория политических перемен.

На телевизионных экранах с утра до поздней ночи состязались в словоблудии демократически избранные депутаты. У трибуны Верховного Совета всегда стояла вереница жаждущих слова ораторов, и порой было даже заметно, как они нервничали и приплясывали от нетерпения, словно в очереди по известной нужде.

Самовлюблённые болтуны и циничные аферисты яростно ниспровергали всё, что обыкновенным людям до сих пор казалось, если уж не святым – то хотя бы незыблемым. Честные и разумные голоса безнадежно тонули в истерическом хоре разномастных обличителей и ниспровергателей.

Старые газеты, которые раньше жили на приличном содержании у коммунистической партии и ходили в строго застёгнутом идеологическом платье, теперь фривольно распускали

пуговицы, поддёргивали подолы, подмигивали и кокетничали направо и налево, чтобы не умереть от безденежья.

Только что рождённая, новая, и будто бы независимая, пресса – та сразу одевалась в пёстрые, откровенно блядские наряды, и даже не скрывала, что за деньги готова на всё.

Народ традиционно безмолвствовал...

И вот – свершилось: в пылу перестройки подломили опорные конструкции, и самое большое государство планеты развалилось.

В столице объявился новый Сусанин. Он, пьяный, взобрался на танк, широким – на полгоризонта – взмахом руки указал России дорогу к процветанию и запел что-то неслыханное и невнятное об истинной свободе и настоящей демократии.

Тут же, словно по команде, из окрестных подворотен, толкаясь и кусая передних за спины, к нему выскочили многочисленные мастера подпевки и подтанцовки – азартно завихляли бёдрами туда-сюда, якобы наглядно изображая радостную поступь народа к новой свободной и сытой жизни.

Потом люди, конечно, сообразили, что на самом деле означали эти телодвижения, но было поздно.

К власти нахрапом прорвались политические сутенёры, которые деловито вывели Россию на мировую панель и стали предлагать её попользовать любому, кто положит деньги на их личные зарубежные счета...

Жёлтым утром в самом начале осени 1994 года одинокий мужчина лет сорока в сером костюме сидел в кафе на Арбате и листал газету над чашкой с остывающим кофе.

Заведение уже претендовало на элитарность – отсекало простую публику умопомрачительными ценами.

В лице мужчины не было ничего примечательного, во всяком случае, с первого взгляда оно не запоминалось. Зато в его плечах и фигуре, в скупых движениях присутствовало нечто, отчего две девицы, болтавшие за угловым столиком поодаль, неосознанно волновались и постреливали в незнакомца томными взорами.

Пытаясь привлечь внимание, они то и дело поправляли что-то в причёсках, грациозно меняли позы, чтобы выгоднее обозначить свои округлости.

К разочарованию девиц, мужчина даже ни разу не посмотрел в их сторону, а спустя полчаса и вовсе поднялся и, слегка прихрамывая, вышел на улицу.

У древнего Арбата всегда была своя мистика. На углу Староконюшенного переулка на перевёрнутом ящике из-под «Пепси» сидел с гитарой некто сильно бородатый в чёрной широкополой шляпе и пел хриплым голосом для небольшой кучки слушателей. В жестяной банке у ног музыканта тосковала кучка мелочи с парой скомканных бумажных купюр.

Человек из кафе, проходя мимо, успел уловить несколько слов, и ему показалось странным и удивительным, насколько точно легли эти слова на его настроение именно в данный момент:

«Магнитные бури, берег потерян,
Ветер над морем жёлт,
А компас, которому курс доверен,
Не видит пути и лжёт...»

Человек невольно приостановился и даже обернулся, надеясь услышать продолжение песни, но она оборвалась, а её исполнитель высыпал из банки в ладонь свой невеликий гонорар и встал. Кто-то слушателей несколько раз хлопнул в ладоши – концерт завершился.

По всей улице торговали картинами, рябило в глазах от ярких матрёшек и прочего мелкого сувенирного хлама, явно предназначенного для иностранцев.

Пройдя ещё немного в сторону Смоленской площади, мужчина в сером костюме задержался у прилавка, где была выложена военная атрибутика: эмблемы, кокарды, нашивки, значки и прочая блестящая мелочь.

Вертевшийся поблизости блудоглазый тип тут же тронул его за рукав:

– Орденами интересуетесь?

Мужчина вопросительно вскинул брови.

Блудоглазый оглянулся по сторонам и вытащил из сумки прямоугольный футляр из-под очков. Когда он его раскрыл, на чёрной бархатке внутри багрово блеснули два ордена Красной звезды.

На лице мужчины вроде бы ничего и не отразилось, но торговец мгновенно захлопнул свой футляр и шустрой испуганной крысой шмыгнул в толпу.

Человек в сером костюме помрачнел и медленно пошёл дальше. Ему не было нужды покупать ордена, ему просто стало больно и мерзко, словно на этой несусветной барахолке, в которую превратилась в эти дни страна, продавали и его самого, и ещё многих и многих людей, для кого цвет солдатского ордена был цветом реально пролитой крови...

Уже в гостиничном номере из выпуска дневных теленовостей человек узнал, что утром на одном из подмосковных просёлков в изрешечённой автоматными очередями машине обнаружены трупы отставного генерала КГБ и его водителя.

Ещё до того, как прозвучала фамилия генерала, человек понял, почему не состоялась сегодня его встреча в кафе на Арбате.

Всё складывалось очень скверно, до невозможности скверно.

Пока генерал был жив, он один мог подтвердить, что подчинённая ему специальная группа офицеров действовала по приказу и в интересах государства, а иначе человек в сером костюме и его товарищи автоматически превращались в опасных международных преступников...

Часть первая

Глава 1

Игорь Болотников имел боевые ордена, количество которых почти совпадало с числом шрамов на его теле, хотя шрамов было больше.

Но, как орденов Болотникова, так и шрамов его почти никто не видел, исключая тех, конечно, кто награды вручал, а раны лечил...

Ордена хранились в сейфе у начальства. А военная судьба несла Игоря по горячим точкам мировой политики, где непримиримые интересы великих держав проявлялись жестокими схватками между местными царьками и вождями всех мастей в искусно спровоцированных извне кровопролитиях.

Он был офицером военной разведки.

В отличие от «паркетных» разведчиков, которые в дипломатических фраках или в иных благопристойных костюмах нелегалов годами вытаскивают нужную информацию, Игорю и его сослуживцам чаще всего приходилось работать в режиме марш-броска, в кровище и вонище чужих войн и революций, нередко в чужом камуфляже и под чужими знамёнами.

И был случай, когда «паркетные» в одной знойной стране получили приказ немедленно и – любой ценой – живым переправить в Москву военного советника при местном вожде. Раненый советник лежал в госпитале без сознания, на грани жизни и смерти.

В Москве срочно придумали повод, чтобы прислать в эту страну специальный самолёт. Летчики доставили медикаменты и другой гуманитарный груз для пострадавшего от войны населения, а назад в пустом чреве воздушного транспорта увезли примотанного бинтами к носилкам неизвестного военспеца.

Это был майор Игорь Болотников...

Радиолокационная станция, спрятанная между барханами дремучей пустыни, была напичкана секретной аппаратурой и занималась перехватом переговоров, которые на специальных частотах вели между собой корабли американского флота, курсирующие в Персидском заливе.

Великие мировые державы держали тогда под ревнивым и неусыпным контролем действия друг друга в главном нефтеносном регионе планеты.

Срок командировки Болотникова истёк, смена прибыла, и он, получив приказ, уже на следующий день готовился покинуть станцию, вернуться в Союз и доставить руководству очень важные сведения, полученные за последнюю неделю.

Настроение у него было прекрасное: впереди ждал отпуск. Он уже предвкушал, как после этого жуткого пекла уедет с палаткой на родную Владимирщину. Это же сказка: забраться в глухомань, купаться в чистой и прохладной лесной речке по имени Суворощь, валяться на зелёной, пряно пахнущей на излёте лета траве, и жарить по вечерам на костре упругие и ароматные белые грибы, насаженные на свежий ивовый прут.

Лес его воскрешал, неведомым образом снимал с души накопившуюся мусть и приводил в согласие с самим собой. Игорь даже поймал себя однажды на мысли, что в лесу ему хочется молиться...

Но объект между барханами засекали, и в этот злополучный день пара самолётов, поднявшихся с авианосца в заливе, накрыла его точным ракетным залпом.

Станция, вдобавок, была оснащена системой самоуничтожения: мощная взрывчатка, заложенная под внутренней обшивкой, была рассчитана на то, чтобы при угрозе захвата от секретной аппаратуры не осталось никаких деталей.

Все, кто находился на точке, погибли.

Игорь остался жив лишь потому, что на момент атаки он находился не в самой станции, а метрах в ста от неё – отдыхал в тени большого чёрного камня, торчавшего из земли, словно зуб исполинского пустынного дракона.

Рвануло так, что Болотникова подбросило ударной волной, как на батуте, и, переворачиваясь в воздухе, он успел поймать в правую ногу жгучий кусок металла. Если бы не древний камень, прикрывший его от густого роя осколков, смерть была бы неминуемой.

Нашли его почти через сутки, когда душа майора уже расставалась с телом, и находился он в каком-то сумеречном состоянии, не отличая видений собственного бреда от действительности...

Как ему тогда показалось, он вынырнул из удушающего забытья, открыл глаза и обнаружил, что неподалёку сидит на камне старший лейтенант Герасим Батищев – целый и невредимый. Это было никак невозможно: за полчаса до налёта Герасим сменил за аппаратурой самого Игоря и в момент атаки мог находиться только внутри станции, на месте которой теперь зияла большая дымящаяся воронка, окружённая обломками искорёженного адской силой железа.

Игорь хотел окликнуть старшего лейтенанта, но не смог – высохшая гортань не издала ни звука.

Увиденное дальше было и вовсе за гранью любой реальности: рядом с Герасимом, словно из воздуха, возникла стройная девушка с распущенными светлыми волосами, в удивительном старинном синем сарафане до пят, какие Болотников встречал когда-то лишь на картинках к русским сказкам.

Она обняла Батищева, но в её объятиях он стал вдруг прозрачным, превратился в сгусток золотистого, неестественно яркого света, который на мгновение завис на уровне лица девушки и стремительно вознёсся к раскалённому небу пустыни...

Затем в глазах у Болотникова потемнело, и в следующий раз сознание вернулось к нему только на борту транспортного самолёта, который к тому времени плыл уже в небесах над родной землёй...

Глава 2

Выздоровливающий Болотников получил очередной орден, погоны подполковника и месячную путевку в один из военных санаториев Сочи.

Спустя пару недель, когда он чуть было совсем не расслабился от роскошной курортной жизни, в санатории неожиданно появился генерал-лейтенант Растопчин.

Ранее Игорь никогда прямо не встречался с ним по службе, поскольку генерал принадлежал к параллельному ведомству, но узнал его сразу.

Личностью Растопчин был легендарной, и Болотников слышал, что карьеру свою он начал ещё во фронтовом «Смерше», а после войны довольно долго работал в Болгарии, помогал тамошним «братушкам» в становлении новой службы госбезопасности.

На следующий день после завтрака на открытой веранде санатория Растопчин, облачённый в белый полотняный костюм, подошел к Игорю и предложил прогуляться по парку.

– У меня для тебя новость, Игорь Николаевич, – заявил генерал, как только они оказались вдвоём на длинной тенистой аллее, под старыми синеватыми туями, – ты поступаешь в моё прямое подчинение. С твоим начальством всё согласовано, хотя – если ты сам имеешь какие-то серьёзные возражения, можешь отказать.

Чтобы не было иллюзий, предупреждаю: дело предстоит весьма грязное, хотя оно ничуть не грязнее тех мерзостей, которые нам регулярно подбрасывают с противной стороны.

– Но! – гость многозначительно поднял указательный перст. – Должен добавить, что выбран ты из многих кандидатов, и мне не хотелось бы сейчас услышать, что я ошибся.

Позволив Болотникову в течение минуты осознать сказанное, Растопчин продолжил:

– Придётся решать серьёзные задачи. Тебе поручается руководство очень важной частью совершенно секретной операции. Совершенно секретной!

– Это для меня ново! – с иронией ответил Игорь, которому не понравилось, как генерал давил на секретность. – Я-то раньше участвовал исключительно в детских утренниках!

– Не ерепенься! У меня нет сомнений в твоём профессионализме, подполковник, потому на тебя и пал выбор! – улыбнулся генерал. – Ты, я вижу, согласен? Тогда переходим к главному...

Замысел операции под кодовым названием «Белый караван» самому Растопчину не принадлежал. Он родился, как понял Игорь по некоторым оговоркам генерала, где-то выше, если не в самых верхах.

Согласно революционной марксистско-ленинской теории, даже в восьмидесятых годах минувшего века, западное капиталистическое общество всё ещё гило и разлагалось. Его разложению следовало всячески способствовать, поскольку считалось, что продукты разложения капитализма удобряют почву для ростков социализма.

Одним из явных признаков загнивания капитализма называлась наркомания. Эту язву западного образа жизни автор идеи «Белого каравана» и положил в основу будущей операции. Схема предполагала закупки героина в Афганистане, транзит его через территорию Советского Союза на Балканы, а уже оттуда – в Европу.

Цель затеи, конечно, заключалась не только в ущербе для буржуазной морали: деньги от реализации наркотиков должны были лечь на секретные зарубежные счета и послужить делу дальнейшего подрыва основ капитализма иными возможными способами.

Практическое руководство «Белым караваном» возложили на генерала Растопчина. Он разработал оперативный план и приступил к самому главному – подбору людей...

Человек с невыразительным лицом, игравший весьма значимую роль в партийной иерархии, но мало кому известный за пределами верхних кругов власти, протянул Растопчину маленькую сухую руку:

– Удачи вам, товарищ генерал, – ровным, бесцветным голосом произнёс он. – Ваши отчёты и доклады – исключительно мне! – белесоватые, близко посаженные глаза на неуловимое мгновение перехватили взгляд Растопчина. – Надеюсь, вы, как профессионал, понимаете, что в определённых обстоятельствах, в случае провала и огласки, мы с вами будем вынуждены официально искать виновных, но – вряд ли нам удастся их взять живыми. . .

Сквозь деревья санаторного парка ярко блестело море. Сидя на скамейке под роскошными старыми магнолиями, Растопчин и Болотников обсуждали предстоящую операцию, и было им уже не до моря и не до магнолий.

– Постоянных помощников, посвященных в суть операции, у тебя будет трое, – размеренно рассказывал Растопчин, – двоих дам я, а третьего подберёшь сам, но при моем обязательном одобрении. Это должен быть парень, желательно восточной внешности, которому ты сможешь доверять больше, чем самому себе. Есть такой на примете?

Игорь задумался. Генерал немного помолчал, а затем положил руку Болотникову на плечо:

– Не торопись, отнесись к этому максимально серьёзно. У тебя еще есть время: я нарочно решил не дожидаться окончания твоего отпуска и побеспокоил тебя здесь, в Сочи. Подумай хорошенько обо всём.

Растопчин ещё какое-то время помолчал, словно наслаждаясь окружающим видом, и продолжил:

– Остальной твой контингент, подполковник, будет временным. Мы обязаны поставить дело так, чтобы каждый из временных участников решал конкретную частную задачу, не понимая её настоящего содержания и общей цели. . .

Болотникову предстояло перенести план, разработанный Растопчиным, «с карты на местность» – организовать закупку и транзит товара через границы и территории.

Все участники основной группы получали псевдонимы, Игорю досталось уважительное восточное «Баши».

Сразу после санатория подполковник Болотников отправился в новую командировку – на этот раз в Афганистан, где всё ещё шла война.

На развитие операции потребовалось около полугода. Очень сложной её частью был выход на нужных людей из окружения Ахмад-Шаха Масуда, легендарного вождя северных племён, единственного из высокопоставленных моджахедов, кто установил какие-то отношения с советскими войсками.

Ведя переговоры, Болотников, в буквальном смысле, рисковал остаться без головы – её бы отрезали мгновенно, пойдя что-то не так.

В конечном итоге люди Масуда выторговали для себя приемлемую выгоду.

Во всех этих встречах в роли переводчика с Игорем был майор Шерали Курбанов, киргиз по национальности. Военная судьба однажды коротко свела, но крепко сдружила их ещё в Африке.

С одобрения Растопчина майор был включен в основную группу «Белого каравана» под псевдонимом «Толмач».

Шерали был на два года моложе Болотникова, но, как и тот, успел «хлебнуть горячего». Он отличался неколебимым спокойствием, был всегда сосредоточен и молчалив. Эта молчаливость не отталкивала и не возводила никаких барьеров в общении, но каждый, оказываясь рядом с Шерали, невольно принимал его манеру отношений. С Курбановым было легко и просто общаться по делу, но он никак не располагал к пустому трёпу или к излишним откровениям.

Благодаря своей внешности и знанию местных языков, Курбанов ещё до затеи с «Белым караваном» был командирован в Афганистан, где Болотников его и разыскал.

Шерали великолепно владел оружием: стрелял без промаха из любого положения, с обеих рук, всюду и всегда в боевых условиях он носил с собой два «Стечкиных», которые предпочитал любым другим маркам пистолетов.

Однажды переодетая под душманов разведгруппа Курбанова выходила с задания и попала в засаду. Шерали, прикрывая своих ребят, в течение минуты уничтожил до десятка врагов, чем поверг в ужас и заставил бежать уцелевших. Почти каждая пуля его попала в цель.

Разъярённые «духи» вернулись с подкреплением и пытались догнать зловредную группу, но разведчики уже успели выйти к своим.

Вечером, когда группа Курбанова в полном составе собралась за столом, один из бойцов спросил:

– Командир, если не секрет – где ты так стрелять научился?

– Дед научил!

– Он у тебя что – охотником был, белке в глаз попадал?

Шерали печально улыбнулся:

– Нет, он был гончаром, и даже ружья никогда не имел.

Разведчики недоуменно переглянулись, а Шерали вытянул руки над столом:

– Вот так, навесу, ты держишь руки над гончарным кругом с утра до вечера. Глина – очень мягкая и нежная – руки должны двигаться очень плавно и точно, иначе горшок сомнёшь – понял? К такому вот тренажёру дед меня и сажал, когда я вырос чуть выше горшка...

В «Белом караване» Шерали занимался отправкой товара, но ему выпала и ещё одна тяжкая роль – заложника. Как только главная договорённость состоялась, люди Масуда оставили его при себе и никуда не отпускали – это входило в условия сделки.

Валютой для оплаты героина чаще всего служило оружие, военное снаряжение и продовольствие, но изредка, бывало, рассчитывались и наличными долларами, аккуратные пачки которых Шерали получал в цинковых коробках под видом патронов.

Груз вывозили вертолётom. По-другому не получалось – люди Масуда гарантировали безопасность только в пределах своего лагеря. Шерали предполагал, что за его пределами они и сами непрочь были напасть на «шурави», чтобы снова завладеть товаром и ещё раз его продать.

Первую партию героина отбили на дороге, всего километрах в пяти от базы – чужие или «свои» – было уже неважно. Тогда и задействовали вертолёт...

Третьим членом группы под прозвищем «Купец» стал болгарин Бранко Зорянович, человек Растопчина, который, судя по всему, довольно давно был у генерала на связи.

Бранко официально работал капитаном на небольшом торговом судне, он получал груз от Болотникова в одном из южнороссийских портов и обеспечивал его продвижение через Балканы на Запад, где эстафету от Купца принимали люди, которых Игорь знать уже был не обязан.

Первое время «Белый караван» успешно пошёл по своей чёрной тропе, но было бы наивным полагать, что резко нарастающий прилив героина не заметят спецслужбы стран, куда он поставлялся. Нешуточно напряглись и прежние поставщики – появление мощного конкурента в их планы явно не входило.

Проблемы множились, и Растопчин при встречах выглядел всё более мрачным. Вместе с тем, Игорю почему-то казалось, что удручают генерала не столько внешние проблемы, которые изначально прогнозировались, а нечто гораздо более серьёзное.

Затем Растопчин и вовсе приказал срочно устроить секретную базу на своей территории, куда легли последние крупные партии товара.

Тайник оборудовали на заброшенном колхозном химскладе. Земля в этом ржавом ангаре на семь локтей в глубину пропиталась удобрениями и прочей сельхозхимией. Склад забросили лет пять назад или больше, но внутри и около по-прежнему так резко воняло, особенно в сырую погоду, что подходить близко ни у кого не возникало желания.

Копая здесь яму для хранилища, Болотников и его напарник брались за лопату поочередно – один копал, другой наблюдал за окрестностями, заодно получая возможность отдышаться у края перелеска.

В яме из сборных стальных сегментов они смонтировали камеру, увенчал её люк с хитроумным запором – где Растопчин раздобыл всю эту конструкцию, для Игоря так и осталось загадкой.

Случайно обнаружить тайник было почти невозможно, а на крайний случай Болотников его ещё и заминировал. Две противотанковых мины в любой момент могли смешать с ядовитой землёй и тут же похоронить всё содержимое хранилища вкупе с незваными гостями, и неизвестно – что стало бы при этом с самим ангаром.

Выбор места был увязан с одним решающим обстоятельством: в лесу, в двадцати километрах от старинного села Ильинского, базировался вертолётный полк специального назначения. Сюда периодически и доставляли лётчики какие-то опечатанные ящики. Их принимал Игорь Болотников под видом подполковника медицинской службы.

К прилёту каждой «вертушки» со спецгрузом в распоряжение полка из Москвы прибывал зелёный «уазик» с красными крестами на бортах. С Игорем всегда был один и тот же напарник, Владимир Костерин, в операции – «Костя», неразговорчивый коренастый парень с погонами старшего прапорщика – большой специалист по рукопашному бою, стрельбе из любого вида оружия и по езде на любом виде транспорта, включая управление вертолётном.

Пока всё шло по плану, «уазик» брал курс на юг, к Азовскому морю, но теперь Игорь вынужден был обосноваться в Ильинском. Он снял за бесценок избу на окраине, от которой до полевого химсклада по дороге было пять, а по тропе через перелесок – не больше трёх километров.

Болотников оказался прикованным к своему объекту, как каторжанин к колоде.

Сразу после августовского путча 1991 года Растопчин сам появился в Ильинском. За рулём подержанной «Лады» и в стареньком спортивном костюме генерал выглядел заурядным пенсионером-дачником.

Они выехали по просёлку на окраину леса, подальше от посторонних глаз и расположились в тени.

Генерал уселся прямо на траве и передал Болотникову ключи от машины:

– Дарю коня – пригодится!

Было заметно, что настроение у Растопчина далеко не радужное.

– Прости, но на этом подарки заканчиваются, – мрачно усмехнулся он, – должен тебе официально сообщить, что подполковник Игорь Николаевич Болотников погиб при выполнении специального задания, и останки его преданы земле. Подробности пропущу, но дальше жить тебе придётся опять под чужим именем. Мог ты себе представить, что станешь нелегалом у себя дома?

Игорь внимательно посмотрел на генерала:

– До чего же там у вас, в Москве, дошло?

– Ситуация развивается обвально: бесконечная болтовня, враньё и предательство. Обстановка в верхах – хуже некуда, чем всё закончится, я даже гадать не берусь!

Растопчин достал и вручил Игорю пакет с документами на имя Игоря Фёдоровича Лебедева.

В пакете была и трудовая книжка. Болотников, никогда раньше не имевший такой «ксивы», с интересом её открыл: одна единственная запись свидетельствовала, что её обладатель семнадцать лет безвылазно работал учителем физкультуры в деревенской школе, где-то далеко в Сибири.

Прочитав эту запись, Игорь невольно улыбнулся и вопросительно взглянул на генерала.

– Физрук?

– А ты бы хотел – учитель пения и танцев? – проворчал тот. – Я всё это сам тебе подбирал, сынок! Видишь – даже к имени привыкать не придётся!

Кстати, настоящий Лебедев полгода назад у нас в столице под электричку попал, скорее всего – просто по пьяни. Милиция так и не нашла, кому направить сообщение о смерти.

Растопчин извлёк из рюкзака два плотных бруска столетних купюр, передал их Игорю и продолжил:

– Но милиция не нашла, а мы кое-что успели перепроверить. Странноватый был персонаж. Вырос в детдоме, родных не имел, жены и детей тоже не оставил, к кому и зачем в Москву приехал – неизвестно, может, просто захотелось ему вкусить столичной жизни. Так что документами можешь спокойно пользоваться: все следы, которые удалось обнаружить, мы, естественно, зачистили...

Остальную часть встречи занял подробный инструктаж по действиям Болотникова при вероятных вариантах событий, после чего Растопчин встал, показывая, что разговор окончен.

– Живи, товарищ подполковник, пользуйся моментом – отдыхай, жди моих распоряжений! Занимайся пока физическим воспитанием подрастающего поколения – нужный звонок насчёт тебя директор здешней школы уже получила. Ну, и за базой, конечно, приглядывай. Сам понимаешь, тонна героина – огромные деньги, и есть один уникальный упырь, который мечтает их получить. Сейчас этот мерзавец сбежал, но – рано или поздно – он о себе напомним...

– А не лучше ли было укрыть всё в более надёжном месте? – Игорь давно хотел задать генералу этот вопрос. – На охраняемой территории?

Растопчин покачал седой головой:

– Проблема не в высоких заборах, Игорь, и не в крепких запорах: любое место делают надёжным только надёжные люди, а таких – чем больше – тем меньше...

Смысл каламбура Болотников хорошо понял.

– Но главное – я уже не вижу наверху никого, кому теперь можно было бы раскрыть операцию, – генерал помрачнел. – Вряд ли кто меня там поймёт, и мы с тобой, в лучшем случае – окажемся в тюрьме, а в худшем – сам понимаешь: нас закопают, а наркоту продадут. В нынешнем-то бардаке – почему бы и нет?

– Но у вас же была санкция...

Растопчин ответил коротким сухим смехом:

– Ты это о чём, подполковник? Чтобы кто-то добровольно в Лефортово попросился – покаяться ещё в одном преступлении коммунистического режима? – лицо его исказилось брезгливой гримасой. – Нет, сынок, теперь это наш собственный грех, и от нас открестятся, как от чумных...

В столицу генерал возвращался на поезде, Игорь подвёз его до станции, и они попрощались, не выходя из машины.

Провожая Растопчина взглядом, Болотников не предполагал, что видит его в последний раз.

Многим тогда показалось, что страна, как телега с горы, покатилась вразнос...

Глава 3

Валерий Сергеевич Лазаридис – человек с невыразительным лицом, занимавший весьма значимую должность при вершине партийной иерархии, известности никогда не любил и всемерно её избегал.

Природа жестоко обделила его внешностью: невысокий рост, щедедушный костяк, на котором казалось невозможным нарастить хоть какую-нибудь мышечную массу, большая угловатая голова, вооружённая парой близко посаженных белесоватых глаз и широким, почти безгубым ртом.

Ещё с раннего детства эта внешность стала предметом насмешек сверстников, и юный Валера невольно развил в себе удивительные способности: присутствовать, не привлекая внимания к своей персоне, и добиваться желаемого, оставаясь незаметным.

Словно в извинение за неудавшийся облик, природа сделала ему бесценный подарок – дала острый, изопрённый ум. Обладая феноменальной памятью, он загружал свой бездонный мозг огромным количеством информации, но – самое главное – умел тонко и полезно ей распорядиться.

Родители были очень учёными, женились по общей любви – к прикладной математике, и, сколько Валерий себя помнил, они всегда писали какие-то монографии и диссертации, искали решения неких сверхзадач и безвылазно жили в абстрактном мире чисел и формул, и даже дома всегда были на работе.

Они долго считали, что ребёнка им заводить ещё рано, но однажды, когда мать в очередной раз пришла делать аборт, пожилая акушерка внимательно перелистала медицинскую карту и смерила пациентку долгим недобрим взглядом:

– Решила детей не иметь вообще?

– Нет, в принципе, мы думаем кого-нибудь родить, – замялась мать, – просто сейчас не тот момент, дела...

– Ты так думаешь? – бесцеремонно перебила её акушерка. – А момент, дорогуша, у тебя такой, что на следующую беременность нет почти никаких шансов! Ты аборт свои считала? О возрасте не забыла в делах? Мне и сейчас-то удивительно, как ты умудрилась зачать...

Роды получились чуть ли не роковыми: схватки были сильными, потуги сопровождались невыносимой болью, но кости таза сорокалетней женщины не хотели расступаться, да к тому же плод в последний момент занял неправильное положение. Жизнь младенцу спасло кесарево сечение, а мать своей жизни едва не лишилась – прямо из родильной её отвезли в реанимацию.

Несколько суток продолжалась жестокая горячка. Измученная женщина уже теряла себя в пространстве и времени, а потому не испугалась и даже не удивилась, когда среди душной, липкой ночи увидела у своей кровати двоих седовласых и длиннородых стариков.

Она их узнала – девять месяцев назад эти старцы приходили к ней во сне.

Сон был страшным: от лесной опушки открывалось бескрайнее поле, заросшее буйным разнотравьем. Над самым горизонтом в слоистой дымке висело тревожное красное солнце – то ли рассветное, то ли закатное – не понять. Двое старцев в чудных долгополых рубахах истово молились на солнечный диск.

Она стояла у них за спиной и, напряжённо вслушиваясь в молитву. В распевном пугающем речитативе она разобрала некоторые слова и обмерла от ужаса: старцы молили силы небесные защитить людей от грядущего лжепророка и упоминали некоего младенца, который уже зачат, но ещё не рождён!

«Какого младенца? – единственный ответ уже был готов в её сознании, но она всеми силами души ему противилась. – О ком они говорят?»

Оставаясь в тягучем ужасе сна, она закричала. Испуганный криком муж с трудом растолкал и вернул её к действительности:

– Что тебе снилось, Люся? Почему ты так кричала?

Она посмотрела не него непонимающим взглядом:

– Я кричала? – в её сознании тут же возникла непроницаемая завеса, и она не смогла припомнить ничего.

Но именно в этот день Людмила Лазаридис заподозрила, что беременна...

И вот теперь те самые старцы стояли у неё в ногах, переговариваясь громким шёпотом, и этот шёпот шелестящим эхом метался по углам палаты:

– Он всё-таки воплотился, – произнёс один из них, сматывая какой-то объемистый свиток, похожий на рулон старых обоев. – Девственник, он же – Чернец. Как и было начертано!

– Да, воплотился! – нахмурился другой, и повторил ещё раз, словно убеждая себя самого. – Всё-таки воплотился...

К утру следующего дня, к удивлению всего медперсонала, горячка ушла, словно её и не было, а мать, хоть и была ещё слаба, но почувствовала себя настолько хорошо, что потребовала принести ей ребёнка.

От ночного бреда в памяти у неё не осталось ничего – лишь маковое зёрнышко тревоги затаилось в самой глубине души – это был неосознанный страх перед тем, кого она произвела на свет...

Так вот внепланово, с горем пополам, обзавелись супруги Лазаридисы собственным чадом.

Едва-едва оно стало говорить – его обучили азбуке и прирастили к чтению – чтобы занять однажды и навсегда. Уже с четырёх лет Валерик, не докучая родителям, свободно читал толстые книжки, чем удивлял нечастых гостей, которые подозревали, что ребёнок просто делает умный вид для посторонних, и были в этом очень неправы и несправедливы.

Впоследствии он уже не представлял своей жизни без книг, и «нечего читать» для него стало равнозначным с «нечего есть».

Чадо у математиков получилось понятливым: оно очень рано сообразило, что матери и отцу не до него, притерпелось и зажило своей отдельной внутренней жизнью.

В пятилетнем возрасте с Валерой случилась череда непонятных припадков – он терял сознание и минут пять-десять лежал тряпичной куклой с неподвижными распахнутыми глазами.

Мобилизованные перепуганными родителями доктора только разводили руками – все обследования показывали, что мальчик здоров. Специалисты предположили причиной припадков неестественный способ появления младенца на свет: по статистике, «кесарята» всегда находились в зоне риска по психическим патологиям, особенно в раннем возрасте.

Сам же маленький пациент никому не признавался, что для него эти приступы были моментами блаженства: каждый раз он погружался в холодный свет, в котором растворялись все детские страхи и обиды, и возникало чувство абсолютной защищённости, какого он никогда не испытывал даже на руках у отца...

Лишённый возможности полноценно общаться с родителями и сверстниками, мальчик приспособился играть в одиночку, и однажды изобрёл себе друга.

Это был как бы второй он сам. Валера был убеждён, что создал его внутри себя силой собственного воображения, и дал ему имя – Другой.

Позднее он обнаружил, что это явление подробно описано в психологии и называется по-научному – «альтер-эго», а его крайняя степень уже относится к области психиатрии и называется раздвоением личности, но юного Лазаридиса эти открытия ничуть не смутили. . .

Поначалу с Другим было удобно потихоньку играть, но с годами он стал и лучшим собеседником, с которым можно обсуждать любую тему, советоваться, спорить, и даже ссориться.

Во время этих мысленных диалогов Валерий иногда уходил в себя настолько, что взгляд его становился не просто отсутствующим – глаза пустели. А чтобы окружающие не мешали внутренней жизни, он развил в себе и третью ипостась, которая почти рефлекторно, в дежурном режиме, отвечала на простые внешние вопросы и раздражители.

Окончив школу с отличием, Валерий Лазаридис, вопреки пожеланиям родителей, в математики не пошёл, а решил посвятить себя изучению истории и философии.

В университете его незаурядный интеллект был оценён с неожиданной стороны: секретарь парткома доцент Алексей Александрович Вакулин, с любопытством прослушав выступление невзрачного студента-второкурсника на семинаре, решил познакомиться с ним поближе.

В итоге Лазаридис оказался в избранной группе студентов и аспирантов, в поте лица трудившихся над докторской диссертацией для Вакулина и помогавших ему в написании многочисленных научных статей – доцент считал себя плодовитым учёным и активным политическим деятелем.

Личный вклад Лазаридиса в общее дело скоро стал настолько заметен и весом, что Вакулин приблизил новобранца к себе и даже хотел продвинуть на должность комсомольского вожака, но барственный красавец-ректор решительно воспротивился:

– Я не умаляю его способностей, – заявил он, – но не может же такой уродец быть лицом университета!

Тогда Вакулин организовал приём студента Лазаридиса в партию и предоставил ему платную должность делопроизводителя в парткоме с правом свободного посещения лекций.

Здесь, в университетском парткоме, Валерий впервые постиг острый вкус теневой власти: он понял, что многие важные решения часто принимаются не теми, кто их подписывает или озвучивает, а теми, кто их готовит и приносит на подпись.

А ещё он открыл для себя великую кухню документооборота: одна и та же бумага может быть одобрена или отвергнута в зависимости от того, какие ещё документы ложатся рядом с ней, сколько бумаг одновременно находится на столе, и лежит ли она там сверху или снизу.

Сделав это открытие, Лазаридис в нужных случаях стал подбирать содержимое папки с грифом «На подпись», как опытный повар подбирает в своей кастрюле состав задуманного блюда: чем подсолить, чем подсластить, как обострить или, наоборот, вообще скрыть вкус главного продукта.

Нередко решающую роль играла устная приправа к тому или иному документу. . .

С началом перестройки секретарь университетского парткома, благодаря своим новым взглядам и старым связям, взлетел в аппарат ЦК КПСС. И, естественно, Вакулин прихватил с собой незаменимого помощника, успевшего к тому времени защитить свою кандидатскую

диссертацию на весьма интересную тему: предметом исследования была история тайных внешнеполитических операций и внутренних заговоров в Европе девятнадцатого-двадцатого веков и в России до 1917 года.

Политическая кухня советского периода со всей её грязью и кровью в диссертации Лазаридиса не освещалась. И это было естественно и понятно ...

Алексей Александрович очень удачно вписал своего протеже в пёструю стаю консультантов и советников, где Валерий, к чести своей, не затерялся – первый же подготовленный им аналитический отчёт был оценён так серьёзно, что позволил ему занять в аппарате особую позицию, которая называлась «помощник по специальным вопросам».

Его высокому боссу очень нравилось, когда информацией, уникально подобранной новым помощником, он изумлял даже тех, кому по должности полагалось знать всё и даже немного больше. И всё чаще точные и ёмкие формулировки Лазаридиса ложились в официальные тексты политических документов.

Как-то после очередного большого совещания босс приостановил Вакулина в коридоре за локоть и поблагодарил за ценного работника.

– Да, он очень умён, – Вакулин был доволен, что ему удалось продвинуть своего человека так близко к высшему руководству, да ещё и угодить. – Я, кстати, никогда не придерживался принципа «хочешь выглядеть умней – умных рядом не имей», напротив – неумно как раз не иметь их рядом, но они должны чётко знать своё место!

– Ты прав, – усмехаясь, прищурился босс, – это архиважно – вовремя ставить некоторых умников на место!

Он развернулся и ушёл, а Вакулин тут же пожалел о своей длинной и нескладной тираде – появилось неприятное ощущение, что минуту назад его брезгливо щёлкнули по носу...

Ещё через год Валерий Сергеевич уже пользовался у руководства беспримерным расположением и доверием. Немало тому послужили его необыкновенная работоспособность и прямо-таки аскетическая скромность. Он никогда ничего не просил лично для себя, но был неколебимо твёрд и настойчив, если что-то требовалось в интересах дела.

Действовал Лазаридис решительно, порская быстрым хорьком из-за высокой начальствующей спины, и очень скоро добился, чтобы нужные люди в аппарате чётко усвоили: чего требует помощник – того хочет босс.

Он взошёл на немыслимую вершину, где – если смотреть издали и снизу – обитали почти боги.

Но вот при близком рассмотрении партийный олимп оказался ненормально загаженным, а многие боги с полубогами – суетливыми и мелочными интриганами, о чём красноречиво свидетельствовали цели, которые преследовал лично каждый из них.

Народным массам активно внушалось, что там, наверху, великие люди самозабвенно решают великие политические и государственные задачи, в то время как обитатели властных этажей, главным образом, люто грызлись за любое сиденье повыше, плели бесконечные интриги и виртуозно мазали друг друга дерьмом. Наиболее сноровистые из них при этом успевали ещё и тырить кое-какую мелочь по дырявым государственным карманам.

Лазаридис презирал их тем больше, чем ближе узнавал. В последнее время его уже посещали мысли, которые Другой ехидно называл «синдромом подавленного гуманизма»: Валерий стал понимать, почему Сталин так безжалостно гонял по лагерям и расстреливал соратников по партии.

– Ты даже не представляешь всей глубины моего разочарования! – трагическим домиком строил брови Другой. – Оказывается, высший пилотаж в политическом искусстве – так обгадить товарища, чтобы он сам заметил это последним, когда все вокруг уже воротят носы...

При всей серьёзности своего статуса, Валерий Сергеевич скоро сделал и весьма скверный для себя вывод: из прислуги, пусть даже самого высокого разряда, его здесь никогда не выпустят, прояви он хоть и ещё сто талантов.

Лазаридис не стремился к известности, но когда его собственные мысли, выводы и оценки, озвученные высшим руководством, широко комментировались и обсуждались по всему миру, он всё-таки чувствовал себя нагло обворованным. А если бы ему сказали, что он и рождён для того, чтобы сочинять кому-то отчёты, доклады и речи – он счёл бы это для себя самым глубоким оскорблением...

Чтобы самому не утратить уважения к себе, в жизни следовало что-то кардинально менять.

– Нужны деньги, – заявил он однажды Другому, – большие и сразу. Без денег нам не вырваться, тем более – славный наш корабль уже течёт, как дырявое корыто.

– Ограбим вечером Оружейную палату или Алмазный фонд? – привычно съязвил Другой.

– Думать нужно, – Лазаридис уже поставил себе задачу, но ещё не нашел ей решения. – Серьёзно думать...

– Пора! – согласился Другой. – А то, я смотрю, наши товарищи по экипажу слишком уж озабоченно снуют вокруг кладовых.

– И не просто снуют, – Валерий Сергеевич чуть приподнял уголки рта, обозначая улыбку, – все переборки по трюмам прогрызли ...

В ранние утренние часы, задолго до появления начальства, Лазаридис, по обыкновению, просматривал у себя в кабинете свежие газеты. Однажды на глаза ему попала информация об огромной партии героина, захваченной и уничтоженной в Афганистане советскими войсками-интернационалистами.

Помощник по специальным вопросам прикинул стоимость упомянутого зелья на мировом чёрном рынке и глубоко задумался...

Месяцем позже Валерий Сергеевич пригласил к себе генерала Растопчина, и они вместе зашли к руководству.

Замороженный нескончаемым потоком неотложных дел и проблем хозяин высокого кабинета поприветствовал генерала за руку, но ничего конкретного не сказал – произнёс несколько дежурных фраз по поводу непримиримого противоборства политических систем и попросил Растопчина оказать всемерное содействие товарищу Лазаридису.

– Он раскроет вам содержание вопроса! – хозяин кабинета, завершая аудиенцию, кивнул в сторону помощника и ещё раз пожал генералу руку. – Спасибо, Сергей Иванович!

У Растопчина откуда-то возникло неприятное ощущение, что этот человек с горячей и нервной рукой не вполне осведомлён, о чём на самом деле идёт речь. Но кто бы задал столь скользкий вопрос партийному чину подобного ранга?

Генерал тогда сам от себя отмахнулся: «Жена Цезаря – выше подозрений!»...

После приёма Лазаридис не повёл Растопчина к себе в кабинет, а пригласил присесть на диванчик у окна в широком холле, где без всяких предисловий – кратко и точно – изложил ему основные тезисы замысла, и старый чекист сразу понял, почему их разговор происходит в таком, на первый взгляд, неподходящем месте: оно гарантировало от прослушки.

Идея действительно предполагала высший гриф секретности, и какие-либо письменные следы, а тем более – любые ссылки на указания сверху – в подобного рода делах вообще исключались.

Сергей Иванович вынужден был признать, что раньше он явно недооценивал своего собеседника...

Для Валерия Сергеевича наступил момент истины, ради которого стоило долгие годы не иметь собственного лица. В предстоящей операции он брал лично на себя организацию финансовой составляющей, предоставив всё остальное генералу Растопчину.

По поручению Лазаридиса были открыты несколько секретных счетов в зарубежных банках. Для этой цели он использовал своего бывшего патрона Вакулина, который в последнее время часто бывал в зарубежных командировках, где активно налаживал связи с западными демократическими институтами.

Но вскоре, по возвращении из очередной поездки, Вакулин безвременно скончался – перегрелся с двумя девочками в загородной сауне: водка, парилка, непомерные радости плоти и – внезапная, но вполне объяснимая, остановка сердца.

Смерть он привёз себе сам в кармане пиджака – она была в заграничных пилюлях для повышения мужской силы.

Вакулин имел неосторожность похвастаться покупкой перед Лазаридисом. Тот внимательно прочёл инструкцию на упаковке, и в голове его возник молниеносный план.

– Хотите испытать уже сегодня? – с понимающей улыбкой Лазаридис достал особый блокнот с телефонными номерами, которыми обычно не пользовался, но записывал их – до случая. – Заказываю сразу двоих?

Вакулин закатил глаза и радостно закивал...

Валерий Сергеевич позвонил специальному человеку от столичного комсомола, который занимался подбором девочек для тайных радостей высоких чинов.

Дур среди этих девиц почти не было: многие затем сделали себе хорошую карьеру, а отдельные – и до сих пор на виду, как солидные матроны, общественные деятельницы, и уже давно никто не смеет упрекнуть их в легкомыслии.

Зато судьба их комсомольского вожака оборвалась трагически. Не было секретом, что он постукивает, кому надо, о сладких грешках сановитых начальничков – это как бы само-собой подразумевалось, но когда ретивый мальчик задумал превратить свою информацию в товар – его тут же убили.

Как человек приближённый, Лазаридис давно знал, что у бывшего наставника хронические проблемы не только с мужскими возможностями, но и с сердцем.

Вечером того же дня две комсомолки – пышногрудая блондинка и страстная брюнетка – встретили Вакулина в назначенном месте и с энтузиазмом взялись за дело...

Гарантий, естественно, никаких не было, но когда хитроумный план всё-таки сработал, Валерий Сергеевич не без удовольствия принял поздравления Другого: «Ну и сволочь же ты, Лазаридис! – с восхищением заметил тот. – Хотя, по восточным поверьям, мужчина, умерший во время полового акта, попадает прямо в рай – без суда и следствия...»

Следствию порезвиться в столь деликатном деле, конечно, не позволили, а газета «Правда» в крохотном некрологе сообщила всем товарищам по партии о скоропостижной кончине известного учёного и политического деятеля.

Коды доступа к заветным банковским счетам отныне хранились только в одной, очень изобретательной, голове.

Действуя дальше с беспримерным вероломством и дерзостью, Валерий Сергеевич умудрился увести на свои счета ещё и выручку от тайной сделки с борцами за светлое будущее человечества, которые партизанили в латиноамериканских джунглях вокруг плантаций коки, а потому имели неплохие деньги.

Зарабатывали они под теми же лозунгами, что и Лазаридис: ускоряя крушение империализма, наводняли США и другие западные страны кокаином.

Им продали партию оружия...

Таким образом, Валерий Сергеевич успел чуть-чуть поскрести и с Золотого полумесяца, и с Золотого треугольника, и под ногтями у него кое-что осталось.

Развитое им умение достигать желаемого чужими руками и оставаться в густой тени в подобных делах было бесценным. Суммы на счетах, подконтрольных Лазаридису, достигли уже достаточных значений, чтобы вырваться из страны и, где-нибудь в надёжном месте, спокойно обдумать, как ему дальше жить и чем заняться.

А в мировой политике тем временем пошли кардинальные подвижки – система социализма рассыпалась, как карточный домик, трещал по швам и её великий оплот – СССР.

Валерий Сергеевич отслеживал симптомы грядущих перемен задолго до их воспаления и прорыва. Он понимал, что раскрученная перестройка могла быть задумана, как шумное русское лицедейство, но вот исполнялась она уже как grand show – при участии опытных режиссёров отнюдь не из МХАТа или БДТ.

Главный герой этого действия, заласканный небывалой для советского лидера любовью международной общественности и оглушённый показными аплодисментами из высших мировых лож, с великим пафосом играл свою роль, любовался сам собой, и по-детски обиделся, когда его неожиданно грубо поддали коленом под зад с политической сцены.

Роль ему режиссёры отвели очень яркую, но короткую, хотя материально – не обидели...

Предвидя близкую катастрофу, Лазаридис энергично затирал немногие следы своей причастности к афёрам с наркотиками и оружием.

Его комбинации были бы вообще безупречны по исполнению, но картину испортил Растопчин. Въедливый генерал профессионально учуял нечистую игру и сделал свой ход: несколько последних крупных партий героина куда-то бесследно пропали.

Это обстоятельство привело Валерия Сергеевича в состояние глухого бешенства, чего с ним раньше никогда не случалось. Но времени для объяснений с Растопчиным уже не оставалось, и он решил отложить их до более подходящего момента.

«Ладно бы себе украл, пёс казённый! – мысленно ругался Валерий Сергеевич. – Но ведь всё вернёт в эту несуразную прорву, которую он считает государством!»

– А к чему эта брань? – удивился Другой. – Когда ты задумывал операцию, нужен был именно такой исполнитель – авторитетный, опытный и бескорыстный. Тебе не возмущаться надо, а воздать должное умирающей системе! – Другой уже ёрничал. – Страна воспитывала героев, а не шахер-махеристов, подобных тебе.

Некоторые, например, охраняя продовольственный склад, могли умереть с голоду, но не взять себе ни крошки. А ты, мерзавец, не только украл, но ещё и насрал изрядно!

Естественно, Валерий Сергеевич не собирался ждать, пока сомнения генерала перерастут в конкретные обвинения.

А Растопчин действительно по своим каналам уже получал информацию о тайных пируэтах Лазаридиса, но реализовать её не успел...

Глава 4

Когда Болотников в качестве физрука появился в сельской школе, её женский коллектив слегка смутился и наглядно вспомнил о существовании косметики.

До того здесь числился в штате лишь один представитель сильного пола – шестидесятилетний трудовик и тихий пьяница Павел Петрович Потапов, он же кратко – Пал Петрович, но на объект женского внимания Потапов никак не тянул.

Справедливости ради нужно сказать, что на работе, и особенно – на уроках с детворой – Пал Петрович был всегда принципиально трезвым, а вот в свободное время грех винопития частенько его волю побеждал, а потому весьма изобретательные в прозвищах школяры, окрестили Потапова «Пол-Литровичем».

Внешне Потапов казался нескладным, но это впечатление было обманчивым: стоило ему взяться за работу – преображался на глазах. Он одинаково виртуозно обращался с рубанком, с напильником, с гаечным ключом – всего не перечислить. То есть, был он таким мастеровым Паганини, но великий маэстро со своей скрипкой в диапазоне инструментов Пал Петровичу явно уступал – это, как если бы Потапов умел обращаться только с напильником.

Он учил пацанов столярному и слесарному ремеслу, а ещё выполнял всю хозяйственную текучку: чинил сломанную мебель, стеклил выбитые окна, ремонтировал дверные замки, следил за проводкой и электроприборами – школе с этим человеком, несомненно, повезло.

Кроме того, Потапов исполнял обязанности сторожа, поскольку был одинок и жил, с разрешения начальства, при школьной мастерской. За инструментальной кладовой была отведена ему комната в одно узкое окошко, но Пал Петрович сумел так организовать скромные объёмы своей каморки, что стала она не только пригодной для жилья, но и весьма удобной и даже уютной.

Приглядевшись к Павлу Петровичу, Болотников совершенно искренне его зауважал: на таких вот неприметных, но головастых и рукастых мужичках до сих пор многое на Руси и держится!

Невольно возникал вопрос – откуда в захолустной школе мастеровой такого уровня?

Сам Игорь никогда бы не стал Пал Петровича расспрашивать: не любил лезть людям в душу, в том числе и потому, что это предполагало некую ответную откровенность, но историю Потапова случайно раскрыла ему как-то директриса.

История была назидательной: первоклассный слесарь-лекальщик на крупном столичном предприятии с друзьями по цеху обмывал квартальную премию. В ходе выпивки традиционно возникла и острая дискуссия по актуальным политическим вопросам. Разгорячённый полемикой Павел Петрович метнул тяжёлый рашпиль в портрет Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева. Снаряд угодил меж густыми бровями генсека и нанёс его образу неисправимый ущерб.

Потапову пытались пришить политическую статью, но, в конечном итоге, отделался он четырьмя годами колонии за злостное хулиганство.

Едва он сел, жена подозрительно скоро с ним развелась, выписала из квартиры, а на ещё не остывшее место вписала другого, свежееобретённого мужа.

По этой печальной причине отбывший срок Потапов подался уже не в столицу, а в родные места – в окрестностях Опорска были все его корни по отцу и по матери...

Три года в школе пролетели для Игоря, как три дня. Честно говоря, новая роль Болотникову настолько понравилась, что, будь его воля, он остался бы здесь и до конца жизни.

В нём, как оказалось, скрывался педагогический талант – общий язык с ребятнёй он нашёл сразу, что удаётся далеко не каждому дипломированному учителю. На уроках царил порядок, и распоряжения физрука даже отъявленные озорники выполняли беспрекословно, а главное – с удовольствием.

Болотников держал себя в форме. Ежедневным пятикилометровым утренним пробежкам не препятствовала даже небольшая хромота, оставшаяся после ранения. Хотя упорными тренировками он и её надеялся победить.

Некоторые упражнения на турнике и на брусьях Игорь показывал лично, что немало способствовало его авторитету. Особенным уважением прониклись к нему школьные хулиганы, когда однажды – как бы невзначай, но наглядно – он перебил ребром ладони толстенную жердь...

С началом нового учебного года в жизни Игоря обозначилось и нечто совершенно непредвиденное – молодая учительница химии по имени Даша, а точнее – Дарья Ивановна Снегирёва, которая вернулась в родное село, как говорили, после неудачного замужества в городе.

Чуть ли не с первой же встречи матёрый военный волчище Болотников влюбился так, что даже сам изумился от неожиданности. Пытался, было, отмахнуться от этого наваждения, но очень скоро понял, что сопротивление бесполезно.

Ежедневно встречаясь с Дашей в учительской или в школьном коридоре, Игорь робел, как юнец. Он злился на свою слабость и с огромным трудом держался от девушки на расстоянии. Выручал изначально принятый на себя образ молчуна, который он нарочно демонстрировал в отношениях с коллегами.

Между тем, события в столице всё больше наводили Болотникова на мысли, что застрял он в Ильинском надолго. Он был бы тому и очень рад, но тонна белой отравы лежала не только в своей яме, но и у него на душе тяжкой колодой, мешая жить.

А от Растопчина не поступало никаких распоряжений, словно он вообще забыл своего подчинённого.

Служба, к которой они с генералом принадлежали, была давно ликвидирована, на её месте создали новую структуру, которую вскоре тоже перекроили и переименовали в очередной раз.

Затяжная неизвестность вызывала у Игоря глухое раздражение, иногда – даже злость. Теперь, вдобавок ко всему, его одолевало ещё и нарастающее ощущение тревоги.

После долгих колебаний Болотников всё-таки решил ехать в Москву, чтобы встретиться с генералом. Он счёл возможным использовать экстренный канал связи.

Растопчин назначил ему встречу в кафе на Арбате...

И вот прямо с телеэкрана – новость: Растопчин убит! Убит за несколько часов до назначенной встречи, и это уже трудно объяснить простым совпадением обстоятельств. Способ связи был надёжным – он исключал любую протечку, насколько вообще возможно её исключить. Так что же произошло?

Потрясённый Болотников пролежал всю ночь без сна в своём гостиничном номере, прикидывая дальнейшие действия. Он прекрасно понимал, за кем теперь пойдёт охота. Он не исключал, что его след уже ищут люди, которым известна цена главного трофея. Не было и сомнений, что рано или поздно его найдут – за такими деньгами стоило порыскать и по всему свету.

По инструкции, в случае выхода генерала из игры, Болотникову следовало снять частное жильё в Москве, позвонить по условленному номеру телефона и ждать встречи с человеком, принявшим в операции полномочия Растопчина.

Игорь решил пока от инструкции не отступать. Он провёл в столице ещё три дня и снял две однокомнатных квартиры в разных районах: мало ли, как развернутся события – запасная берлога может оказаться весьма кстати.

Определившись с московским жильём, Болотников вернулся в село и написал заявление об увольнении, чем сильно огорчил администрацию школы.

На следующее утро, ещё затемно, он сделал и последнее дело – прошёл к тайнику, забрал деньги и кое-что из хранившегося там же оружия. В его положении возвращаться в столицу с голыми руками было бы безрассудно.

Была упакована дорожная сумка. Вещи лежали снизу и сверху, а середину занимал тщательно подобранный арсенал. Теперь главной задачей стало не привлечь в пути внимания милиции – содержимого его сумки по уголовному кодексу хватило бы лет на пять-семь жизни на полном государственном обеспечении. Естественно, за высоким забором и с вышками по углам...

Игорь заблаговременно договорился с соседом, чтобы тот доставил его на станцию на своём «Москвиче». Подаренную Растопчиным машину бросать у платформы не хотелось – она могла ещё пригодиться.

До отъезда оставалось два часа, и Болотников сидел за столом, упёршись лбом в сомкнутые в замок ладони. В эти минуты он не думал о предстоящих в столице делах – он боролся с жестоким искушением увидеться с Дашей. Накануне он намеренно пришёл в школу так, чтобы она в это время была на уроке.

Теперь Игоря грызла такая тоска, что хоть волком вой.

Рыжая от природы, с огромными зелёными глазами, с едва заметными созвездиями веснушек на щеках, Даша обладала замечательной улыбкой, и вся при этом казалась Болотникову маленьким солнышком. Его сумасшедшая судьба ещё ни разу не преподносила ему такого чуда. Да и вообще, женщины в его жизни до сих пор играли лишь эпизодические роли – к иному и профессия не располагала, да и времени не было.

Давили и ещё более удручающие мысли: служба для него явно закончилась. А кроме этой службы раньше у него в жизни ничего-то и не было. И никого не было.

Мать и отец погибли ещё в 1986 году, отправляясь в отпуск на трагически известном пароходе «Адмирал Нахимов», что ушёл на дно под Новороссийском, протараненный встречным судном. Тогда утонули почти пятьсот человек. Тела многих так и не нашли, в том числе была и чета Болотниковых.

Игорь не видел родителей мёртвыми, и ему всё время казалось, что они живы, и что однажды, вернувшись из командировки, он застанет их дома.

И вот – Даша, запоздалый подарок его несуразной судьбы...

Неожиданный стук в окно заставил Болотникова вздрогнуть. Он бросился к куртке, висевшей на стене, передёрнул затвор пистолета и осторожно выглянул из-за простенка на улицу.

Рыжая копна волос и растерянные глаза Даши, стоящей под окном, повергли Игоря чуть ли не в ступор. Он, зрелый мужик, побывавший чёрт знает в каких передрыгах, сейчас не соображал, как поступить.

Победил страх, что ещё минута – и она уйдет. И ещё не факт, что он сумеет вернуться в село и увидит её снова.

Щёлкнув предохранителем, Болотников сунул пистолет обратно в карман куртки и выскочил на улицу. Ни слова не говоря, он взял Дашу за руку, быстро завёл в дом и посадил её на табурет, с которого сам поднялся минуту назад. Он собирался отчитать девушку за этот

легкомысленный поступок, но почему-то не смог произнести ни слова и уселся напротив Даши с совершенно глупым видом.

Наступила тишина, в которой Игорь слышал только учащённый стук своего сердца.

Некоторое время они молчали, неотрывно глядя друг на друга.

– Почему? – произнесла, наконец, Даша. – Почему ты не сказал мне, что уезжаешь?

Игорь пожал плечами:

– Не думал, что для тебя это будет иметь значение...

Она заплакала:

– Я ведь случайно узнала: из-за твоего ухода передвинули расписание моих уроков...

Игорь, я же всё видела, взгляды твои замечала, я тебя чувствовала. Всё ждала, что однажды заговоришь со мной, и дождалась вот...

Слезы покатались по её щекам крупными сверкающими горошинами.

Игорь, не зная, что ответить, молча встал, приподнял Дашу и стиснул её в своих объятиях

...

Судьба отвела им на счастье меньше часа. Расставание было очень трудным: сказать ей правду о себе он не мог, врать тоже не мог. Отрывая от себя её горячие руки и целуя полные слёз и тревоги зелёные глаза, он бормотал только одно: «Прости!». И только когда она, уже уходя, остановилась на пороге, обнимая его в последний раз, Болотников вдруг пообещал и ей, и самому себе:

– Я вернусь!

Глава 5

В конце мая 1991 года сотрудник аппарата ЦК КПСС Лазаридис Валерий Сергеевич внезапно исчез. Его поначалу объявили в розыск, но безуспешно. А вскоре всем и вообще стало наплевать на пропажу какого-то партийного функционера.

Через полтора года в австрийских Альпах, в одном из уютных городков горнолыжного курорта появился гражданин Израиля Серж Гольдштейн, который приобрёл здесь небольшой отель и, как казалось окружающим, зажил спокойной и размеренной жизнью хорошо обеспеченного человека.

Евреем Лазаридис не был – когда возникла в том необходимость, он с большим трудом отыскал в своей родословной скучные сведения лишь об одной прабабке из дореволюционного Гомеля, некоей Розе Варчук, которая носила в девичестве фамилию Гольдштейн. Остальные предки, кого удалось национально идентифицировать, даровали ему, кроме еврейской, целый букет иных кровей: классической греческой – отсюда фамилия отца, чистой белорусской, фривольной французской, кондовой мордовской и, наверняка, каких-то ещё – так что вполне мог Валерий Сергеевич считать себя плодом широкой и всепобеждающей интернациональной любви.

Но свой выбор он делал вовсе не по зову крови – люди из службы Моссад, с которыми он по собственной инициативе пошёл на сотрудничество, помогли ему натурализоваться в стране обетованной и без подтверждённого еврейства – слишком ценной информацией была переполнена голова обратившегося к ним человека.

Сам же Лазаридис, работая в высоких эшелонах власти, имел возможность убедиться, что легендарная служба присутствует в мире повсюду, словно неуловимый ветерок, который при необходимости может внезапно стать локальным смерчем или вызвать масштабную бурю...

Следует отметить, что психологов-аналитиков из Моссада своим супер-эго Лазаридис тогда серьёзно озадачил.

– Опасный урод и бесценный самородок в одном лице! – заявили они после сложной серии собеседований и изощрённых тестов. – Этот экземпляр может быть управляем только в условиях игры, достойной его интеллекта. А интеллектуальный потенциал его, по большинству измерений – чрезвычайно высок. Неординарный тип, если не сказать – уникальный...

Нужную информацию из неопита, естественно, откачали. Кладовые его памяти, как жёсткий диск компьютера, специалисты из аналитического управления вскрывали неспешно и планомерно – архив за архивом, папку за папкой, файл за файлом. Люди, начинённые столь обширными сведениями, попадали к ним не часто.

Когда Гольдштейн уже через месяц с начала общения заговорил на иврите – его кураторов это даже не удивило...

Затем Сержа отпустили в свободное плавание, но с плотным негласным надзором – к нему изящно, с полной иллюзией собственного выбора, подвели незаменимого помощника Здена Гловацкого.

С тех пор по особой агентурной картотеке Моссада Лазаридис-Гольдштейн проходил под псевдонимом «Девственник». Офицер, предложивший такое определение, и сам не знал, почему он его выбрал – как на ухо кто-то шепнул. Но это реально соответствовало гендерному статусу агента, и псевдоним утвердили...

В знак расположения к новообращённому гражданину, ему гарантировали покровительство и защиту, помогли надёжно вложить деньги в недвижимость в Израиле и в Европе.

Но Гольдштейн теперь сидел у своих покровителей на крепком крючке: при необходимости его было за что закрыть в тюрьму, а деньги и имущество – конфисковать в пользу новой

родины, но, как сказали бы французы – глупо сажать на цепь собачку, которая умеет искать в лесу вкусные трюфели.

Предполагалось, что достойную игру для себя Лазаридис-Гольдштейн скоро обязательно найдёт, равно как и общественно полезное применение для денег на своих счетах...

Освоившись в условиях другого мира и оценив свой капитал в окружающей системе координат, Гольдштейн обнаружил, что тот не настолько велик, как это казалось ему раньше по меркам неискушённого советского человека. И он решил восстановить героиновый транзит уже без участия Растопчина, по иному плану.

Теперь это стало гораздо проще: все границы между Афганистаном и Россией были дырявыми, а главное – уже не было особой нужды тащить товар в Европу – потрясённая переменами Россия сама стала огромным рынком для сбыта наркотиков.

Валерий Сергеевич прекрасно видел, что ни одна территория в мире не может предоставить таких бескрайних возможностей – система безопасности страны на тот момент была мало кому опасна.

– А чего они ещё ждали, когда спускали штаны перед циничными дядями? – с глубоко-мысленным сарказмом заметил Другой. – Вот и подхватили синдром государственного иммунодефицита: теперь там любая зараза – прививается легко, распространяется быстро и может грозить летальным исходом...

Лично возвращаться в Россию, даже на короткое время, Гольдштейн, разумеется, не собирался.

Он вспомнил и вызвал в Вену своего однокашника по университету, Элгазы Юнусбекова, который в своё время сделал успешную карьеру в центральном комитете комсомола Таджикистана, а затем, как это нередко случалось с успешными комсомольцами, оказался на службе в КГБ республики.

Элгазы был очень обязан Лазаридису, потому что его жизненная карьера могла закончиться, не начавшись: на выпускном курсе университета он был задержан милицией при покупке порнографического журнала у студента из Восточной Германии. История грозила сексуально озабоченному таджику потерей не только комсомольского билета, но и близкого диплома, а при худшем стечении обстоятельств она могла обернуться и уголовной статьёй.

К счастью, Элгазы был в приятельских отношениях с Лазаридисом и тот, используя своё положение в парткоме, помог замять дело в самом его начале.

Юнусбеков оказался человеком благодарным и, вернувшись в родной Душанбе, к каждому празднику передавал Лазаридису посылки: ароматные ленты сушёных дынь, мешочки с жареными фисташками и прочие экзотические дары солнечного Таджикистана.

Они периодически перезванивались, не теряя друг друга из виду, но даже не предполагали, какой полезной для обоих окажется однажды эта связь.

В девяносто первом году полковник Элгазы Юнусбеков остался без своей влиятельной должности.

Это было досадно, но не смертельно: его родовой клан стоял не в последних рядах – многие родственники по мужской линии занимали ответственные посты на разных уровнях республиканской власти.

Резкая смена политического строя, нарастающий хаос, безусловно, повлияли на общее благополучие Юнусбековых, но не могли в одночасье изменить исконное положение клана в древней иерархии местных родов. Конечно, в новых условиях они встали перед необходимостью заново подтверждать свою силу и влияние, но и это уже бывало в истории рода, в том числе – и после утверждения советской власти.

Элгасы собрал у себя дома наиболее авторитетных родственников. Они долго и обстоятельно обсуждали наступившие перемены, и пришли к выводу: на коне теперь усидит тот, кто оседлает наркотрафик.

Опий-сырец, героин, гашиш в последние годы потекли с афганской территории с нарастающим напором.

В республиканском КГБ этой проблемой раньше было занято целое специальное управление. Тогда, при отлаженной системе охраны границы, при серьёзной поддержке Москвы, контрабанду в значительной мере удавалось перекрывать, но теперь, когда Лубянку жестоко трепали её внутренние проблемы, и когда ей стало не до бывших окраин, положение в корне изменилось.

Юнусбековы вознамерились перенаправить через себя один из рукавов этой неодолимой и бурно ветвящейся реки наркотиков.

Наладить связь с производителями зелья не составляло проблемы – на афганской стороне издавна проживала немалая часть представителей их рода, а вот дальнейший сбыт в серьёзных масштабах виделся пока задачей неразрешимой...

Но боги, похоже, к Элгасы равнодушны не были: в один из дней в его доме раздался неожиданный телефонный звонок. Подняв трубку, он сразу узнал звучавший без каких-либо интонаций голос:

– Здравствуй, мой драгоценный друг! – возникший из неизвестности Лазаридис, не тратя лишних слов, пригласил Элгасы прилететь в Австрию. – Я встречу тебя в Вене. Надеюсь, у тебя есть возможность не отказать мне в этой просьбе?

Юнусбеков был твёрдо уверен, что Валерий Сергеевич не стал бы его вызывать ради экскурсии, а потому сразу ответил согласием.

– Прекрасно! – заключил Лазаридис. – У нас будет, что обсудить...

Элгасы не особо удивился в аэропорту, когда протянувший ему вяловатую руку приятель представился неожиданной фамилией. Он ещё раньше понял, что в жизни Лазаридиса произошли коренные перемены.

В оплывшем холёном господине было сложно узнать прежнего тощего партийного функционера.

Полнота господина Гольдштейна была своеобразной: она свисала, нарастая от ушей к подбородку и от подмышек к седалищу, образуя фигуру из двух разновеликих груш, поставленных друг на друга. Он с юных лет ненавидел свою внешность, а потому фотографировался только по крайней необходимости – на документы, и зеркалами почти не пользовался, даже брился и завязывал галстуки – больше наощупь.

Юнусбеков отметил, что прежними у его приятеля, пожалуй, остались лишь манера скупко и точно излагать мысли, да ещё ровный, бесцветный голос.

Уже с первых минут разговора о деле они поняли, что отныне нужны друг другу, как никогда раньше.

Главной проблемой была кандидатура человека, который стал бы связующим звеном между высокими договорившимися сторонами. Такой человек нужен был в России, в Москве.

– Поищи-ка в памяти кого-либо из твоих коллег по КГБ, – неожиданно предложил Гольдштейн. – Многие из них сорвали с себя погоны вместе с былыми идеалами и ушли в коммерцию. А некоторые – вообще доедают последнюю пшёнку и, с голодухи, готовы работать хоть ночными сторожами.

И тут Юнусбеков вспомнил майора Нестерова, который до крушения системы месяцами не вылезал из командировок в Душанбе и в пограничные с Афганистаном таджикские селения.

Майор в те времена обслуживал направление по контрабанде наркотиков, прошёл необходимую подготовку, и был уже в своём деле серьёзным специалистом. Они, работая с Юнусбековым в одной служебной связке, сдружились. Элгасы, зная местные неписанные законы, а

также людей, облечённых в горах и долинах его родины негласной, но реальной властью, не раз выводил Антона из-под смертельной опасности...

– Координаты помнишь этого майора? – поинтересовался Гольдштейн.

– Был домашний московский телефон, думаю – он не изменился.

– Ты ведь назад через Москву полетишь? – вопрос Сержа звучал уже как руководство к действию.

Гольдштейну и его партнёру из Душанбе действительно удалось заполучить весьма и весьма ценного специалиста, который возглавил их бизнес в России.

Антон Нестеров, известный своему новому окружению как Анубис, за дело взялся энергично и беспримерно жёстко – за полгода подмял под себя многих разрозненных конкурентов, безжалостно уничтожая непокорных и щедро поощряя встающих под его руку.

Анубис профессионально владел приёмами вербовки, и круг его пособников стремительно расширялся, да к тому же он – прекрасно зная, какими методами могут работать против него люди в погонах – легко предугадывал и упреждал их действия.

Зден своевременно проинформировал обо всём своё руководство. В Тель-Авиве задумались, но решили пока смотреть на тему сквозь пальцы:

– В этом есть даже какая-то историческая справедливость: адекватный ответ цивилизованного Запада сиволопой Москве за прошлую наркоатаку. И что весьма пикантно – исполнитель тот же!

В конце-концов, эта информация – наш полновесный шекель, который при необходимости можно обменять на какие-нибудь лубянские рубли – по согласованному курсу, в рамках сотрудничества против международной наркомафии...

Глава 6

Сержу Гольдштейну было известно, что Растопчин ещё в девяносто первом году отправлен на пенсию, но старый чекист оставался крайне опасным – он один знал истинную роль Валерия Лазаридиса в контрабанде наркотиков, и его давно следовало убрать.

Не мог Серж простить генералу и укрытой тонны героина: это была куча денег, его личных денег, которыми не нужно было делиться даже с Элгасы – терять такой куш очень не хотелось.

Чтобы поставить окончательный крест на «Белом караване», Гольдштейн рассчитал путь, который показался ему единственно возможным.

Когда-то, профессионально оценивая опасность, что могла угрожать лично ему в ходе операции, Растопчин назначил себе дублёра по «Белому каравану». Имя преемника и способ связи с ним он доложил Лазаридису.

– Вы ручаетесь за него? – недоверчиво шурясь, спросил тогда Лазаридис.

– Да, я знаю полковника Стрижакова, как добросовестного, исполнительного офицера и надёжного человека, – отвечал генерал. – Но и он получит от меня пока лишь пакет с краткими инструкциями, который вскроет в случае моей смерти.

Вы сможете с ним связаться при первой же необходимости напрямую, а дальше – как сами решите по обстоятельствам...

Анубис был вызван в Австрию и там получил приказ хозяина на устранение генерала Растопчина.

– Попробуй захватить живым, – напутствовал он Анубиса. – Но, если возникнут какие-то сложности, помни: главная задача – убрать!

Растопчин тем временем почти безвыездно пребывал на своей даче.

Страна понемногу училась жить иной жизнью, но Сергей Иванович всё никак не мог привести себя в равновесие с новой действительностью. Часами он сидел у окна или лежал на диване в кабинете, мысленно выстраивая планы наказания предателей и возвращения законной власти, хотя и вполне отдавал себе отчёт, что все его планы, по сути, смешны и несбыточны.

Выдвигая суровые обвинения врагам, Растопчин неожиданно усадил на скамью подсудимых и себя самого. Переоценка невозвратного стала для него почти физической мукой – генерал потерял нормальный сон, плохо ел, и даже любимый пирог с капустой, который так непревзойдённо умела печь его добрая Ирина, теперь не лез в горло.

Жена в безуспешных попытках вытащить мужа из мрачного отчаяния всерьёз опасалась за его здоровье.

Какие-то сомнения, иногда – весьма острые, в нём возникали и раньше, но докапываться до их причин было некогда – долгие годы все мысли были заняты делами службы, которые требовали постоянного напряжённого контроля и не позволяли отвлекаться на моральные изыскания и копания в собственной душе...

Однажды Растопчин всю ночь провертелся на своём диване и только под утро, словно в пропасть, упал в тяжёлый тревожный сон.

... Чёрный злой конь храпел и яростно вертелся на месте, впервые не понимая своего седока. А седок – с белопёрой стрелой меж лопаток – разрывал коню губы, жестоко тянул на себя узду, но всё уже было кончено – ноги выскользнули из стремян и, описав руками медленную дугу, всадник упал на мёрзлую землю.

Его конь тут же застыл рядом как вкопанный. Скосив глаза, молодой Растопча угасающим взором смотрел на берёзовую метлу и мёртвую собачью голову с ощеренной пастью, притороченные к остывающему седлу...

Дачное убежище генерала Растопчина скрывалось за высоким металлическим забором. Наблюдения показали: на даче, кроме хозяина, в последние дни неизвестно откуда вдруг появились ещё и двое коротко стриженных гостей с крепкими плечами.

От кого старик получил информацию о нависшей опасности – осталось тайной.

Анубис поручил дело своей отборной бригаде, и наблюдавший имел за спиной очень жёсткую школу: его уже убивали не раз, но он всё жил, потому что умел правильно оценивать противника.

Опытный глаз сразу отметил у гостей генерала особую манеру двигаться, и она указывала, что голыми руками парней не взять. Да и с оружием легко не взять – такие всегда начеку и прежде, чем умрут, обязательно успеют очень резко ответить.

Само собой разумелось, что у Растопчина в его маленькой крепости могут быть припасены и ещё какие-нибудь весьма опасные сюрпризы.

Но главное – дачный посёлок оказался полнолюдным, а охотникам за генералом меньше всего хотелось привлекать к себе внимание. Оставалось одно: подготовить засаду и дожидаться, пока Растопчин сам отправится в город по каким-нибудь делам.

В лесу, на берегу речки, разбили палатки – стали изображать из себя бездельников-рыбаков...

Терпеть пришлось почти неделю. Наконец, ранним утром дежурный наблюдатель сообщил группе захвата, что генерал с одним из своих бойцов выезжает из посёлка.

Нападение было тщательно продуманным и молниеносным. Захват стал неизбежным – ни отступить, ни прорваться.

Но, как только машина упёрлась в преграду, Растопчин сделал то, что в первые мгновения врагов ошеломило – выстрелил себе в висок. Его водитель, используя замешательство нападавших, успел убить двоих участников засады, прежде чем ответная автоматная очередь разорвала ему грудь.

Генерал считал для себя невозможным попасть живым в чужие руки, а потому ситуация была заранее проработана им, как штатная, и он был готов к любому развитию событий.

Замести следы нападавшие не успели – на дороге со стороны посёлка появился рейсовый автобус.

Получив сообщение о смерти генерала, Анубис по указанию Гольдштейна, немедленно связался с полковником Стрижаковым.

Серж рекомендовал ему особо не мудрить, а постараться банально купить у полковника секретный пакет, не стесняясь в сумме. Затраты имели смысл, потому что иного пути к месту, где заскладирован пропавший товар, больше просто не было.

Но Анубис решил в предстоящей сделке всё же подстраховаться – когда он направился на встречу с дублёром Растопчина, его люди захватили в заложницы жену полковника, которая в тот момент находилась дома – в типовой квартире-«двушке» в одной из многоэтажек на Липецкой улице.

Своими козырями Анубис ошеломил полковника с первых же минут разговора: убитый Растопчин, осведомлённость о наличии совершенно секретного пакета, супруга-заложница – выдержать такой тройной удар способен далеко не каждый.

– Оцените! – заявил Анубис Стрижакову, когда тот слегка оправился от потрясения. – Мы даже предлагаем солидную доплату к вашей заложнице – десять тысяч долларов. И всё это – за уже бесполезный для всех, кроме нас, разумеется, пакет.

– Вы говорите – десять тысяч? – переспросил полковник, уже успевший осознать всю опасность ситуации.

– Ровно червонец, – подтвердил Анубис, – наличными, одновременно, без налоговых вычетов. И плюс комиссионные – при полезном развитии нашей дружбы.

Собеседник задумался, но ненадолго – он решил подыграть сидящему напротив врагу, чтобы снизить в нём степень агрессии:

– Двадцать тысяч! – сказал он, внимательно наблюдая за лицом Анубиса. – Вы отпускаете мою жену, получаете пакет и навсегда забываете обо мне, а я – забываю о вас!

– Ответ разумного человека! – улыбнулся Анубис. – У меня, пожалуй, наберётся при себе такая сумма – деньги в машине. Едем за пакетом?

...На следующее утро полковник Стрижаков не явился на службу. Дома был обнаружен труп его жены, убитой на кухне ударом ножа – сзади под лопатку. Она умерла мгновенно. Сам же Стрижаков бесследно исчез. Из показаний замужней дочери, проживающей отдельно, выяснилось, что из квартиры ничего не пропало.

Криминалистов сразу насторожил профессиональный ножевой удар, а также отсутствие отпечатков пальцев на оружии преступления и на дверных ручках. Это никак не походило на картину убийства в пылу ссоры между супругами.

Тело Стрижакова всплыло неделей позже в Борисовских прудах. Эксперты установили: он был застрелен в упор – пуля вошла слева меж рёбер, чуть выше локтя – в сердце...

Анубис прилетел в Австрию.

В конверте не было ни малейшего намёка на героин, но добыча не лишала и надежды на успех – Серж получил в руки псевдонимы основных участников операции, способы и условия связи с ними, а также адрес конспиративной квартиры в Москве.

Старшим группы, занятой в «Белом караване», значился некий Баши, но хитрый лис Растопчин предусмотрел связь с ним только в одностороннем порядке. При получении информации о смерти Растопчина, Баши должен был сам выйти на связь с дублёром генерала в определённые дни недели по известному ему номеру телефона и произнести условные фразы.

Гольдштейн понял, что именно этот Баши и знает, где спрятан пропавший товар.

На конспиративную квартиру приехал главный подручный Анубиса Геннадий Свергунов с двумя бойцами подчинённой ему охранной фирмы. Там они обнаружили благообразного пенсионера лет семидесяти или больше, с жидким седым пушком на голове и в пижамных штанах на старомодных подтяжках.

Старичок упорно изображал маразматика и делал вид, что вообще не понимает, о чём его спрашивают – стволы и угрозы его никак не впечатляли. Когда взбешённый Свергунов сорвал с упряма подтяжки и обмотал ему вокруг шеи, тот захрипел, но вдруг трясушейся рукой показал всем кукиш.

Один из бойцов упёр колено старику меж лопаток и резко затакнул принятую из рук Свергунова удавку...

В квартире посадили своего дежурного. Нередко там ночевал и сам Геннадий Свергунов.

Глава 7

Распровавшись с деревенской жизнью, Болотников приехал в Москву в очень скверном настроении: клял себя за всё, что случилось между ним и Дашей – она теперь тоже оказалась в зоне смертельной опасности.

Игорь хотел лишь одного: поскорее передать свой склад, кому положено, и забыть всё связанное с ним, как тяжкий сон. После трёхлетней работы в школе, и особенно после встречи с Дашей, с польнной горечью в душе он сознавал, что вся его предыдущая жизнь тоже словно была каким-то дурным и очень злым сном.

Впрочем, раньше ему никогда и не приходилось жить иначе.

Люди рожали детей, растили хлеб, строили дома и машины, сочиняли музыку, а он мотался по миру, добывал чужие военные секреты, случалось, кого-то убивал, чтобы не быть убитым самому, и верил, что это и есть достойная мужская жизнь.

Мальчишеское увлечение военной романтикой забросило его в особое, морально искривлённое, пространство, откуда нормальный человек, если он и остаётся в живых, то возвращается с безнадежно отравленной душой.

Болотникову приходилось видеть, как после первого убийства, совершённого собственными руками, человека выворачивает наизнанку мучительным приступом рвоты: даже плоть реагирует на убийство себе подобного, как на нечто чуждое и неприемлемое, но самый страшный яд проникает при этом в душу, а в неё два пальца не засунешь...

Почти неделю в столице он изучал различные маршруты городского транспорта от двух своих убежищ к центру, к пригородным электричкам и к аэропортам, проехал по некоторым маршрутам на такси.

У него не было оснований сомневаться в преемнике Растопчина: старик не передал бы дело в случайные руки, но в стране творилось такое, что Игорь счёл полезным очень тщательно подготовиться, прежде чем заявить о себе.

В это время уличные телефоны-автоматы в столице стали почему-то принадлежать разным компаниям, и карточки одних не подходили к другим, а потому Болотников ещё в первую поездку накопил их себе целую колоду.

Для решающего звонка он выбрал один из таксофонов на людной Комсомольской площади. Игорю назначили встречу на следующий день у центрального входа в Павелецкий вокзал...

Когда на конспиративной квартире раздался телефонный звонок, Свергунов был на месте и ответил звонившему точно по инструкциям из пакета.

Братъ Баши сходу Анубис ему запретил настрого:

– Он должен вывести нас на свой тайник, а потому – только пасти: плотно, круглосуточно и докладывать мне о каждом его шаге...

Сам Анубис тем временем был уже в Болгарии, где следовало искать человека из генеральского списка, который значился там под псевдонимом «Купец»...

Долгожданный контакт занял всего пару минут: из привокзальной толпы к Болотникову подошел какой-то человек, они обменялись условными приветствиями, договорились о новой встрече и разошлись.

Всё вроде было по инструкции, но Болотников почему-то ощутил внутри сквознячок необъяснимой тревоги, насторожился и решил перепровериться. Он спустился в метро и сел в первый же поезд в сторону центра.

Окна в вагонах подземки работают, как зеркала: можно отвернуться от своих попутчиков, но при этом подробно рассмотреть каждого из них, не привлекая внимания.

Пассажиров, к счастью, оказалось мало, и Болотникову удалось зафиксировать всех, кто мог бы походить на отправленного за ним «топтуна». Он сразу исключил людей в яркой одежде и всех, чья внешность по любой причине бросалась в глаза, зато не ускользнули от внимания двое обыкновенных с виду парней, вошедших в вагон вслед за ним в разные двери.

Пришлось использовать старый, но очень эффективный трюк с автоматическими дверями: когда они уже закрывались на Тверской, Болотников неожиданно шагнул на платформу. Один из отмеченных им парней тоже дёрнулся к выходу, но не успел – поезд тронулся.

Игорь понял, что всё уже идёт не так, как планировал Растопчин. За ним установили слежку, а это не входило в правила игры. Старик особо предупреждал: при любом несоответствии условленному порядку встречи – немедленно уходить.

Игорь ещё часа полтора провёл в метро, произвольно пересаживаясь с линии на линию. Больше за спиной он никого не заметил, но ситуация всё равно стала намного опаснее: Болотников не сомневался, что во время встречи его сфотографировали со стороны и теперь знали в лицо.

Когда он вышел на поверхность, над городом уже стужались сумерки. Наступил час пик, и Болотников растворился в толпе людей, возвращавшихся с работы.

Отсидевшись в одной из квартир несколько дней, Игорь вылетел в Киргизстан, к Шерали Курбанову. Он подумал, что вряд ли кому придёт в голову его там искать...

Оказавшись в Варне, Анубис действовал, как всегда, быстро и решительно, не теряя ни дня, ни часа.

Испуганный неожиданным телефонным звонком Купец встретил гостей в приморском кабаке, где он по давней привычке, если выдавался свободный вечер, неторопливо выпивал терпкую кружку красного вина.

Человек в очках с квадратными линзами, чем-то похожий на доктора, говорил с ним кратко, но очень убедительно. Он, безусловно, был посвящён в тему. Зорянович внимательно его выслушал и кивнул головой. Зная, что творится в России, и что там сделали с недавно могущественным КГБ, он решил, что отнекиваться или становиться в какую-то позу – глупо и крайне опасно.

По фотографии, сделанной у Павелецкого вокзала, Бранко подтвердил личность руководителя группы «Белого каравана».

– Да, это – Баши, но я реально не знаю, где теперь его искать, как не знал и раньше, – заявил Зорянович, ощущая внутри острый страх под холодным взглядом своего собеседника. – Это нормально, ведь Растопчин имел огромный опыт в конспирации. И про Толмача тоже могу лишь сказать, что с самого начала операции он постоянно находился в Афганистане на приёмке и отгрузке товара...

Далее Зорянович заявил, что готов восстановить известные только ему связи и каналы поставки героина на Запад через Косово. Эти связи были для него и неким шансом остаться в живых: опытные гости знали, насколько подозрительно и неохотно в среде наркоторговцев воспринимаются новые персонажи, а старые отлаженные каналы могут быть весьма полезны.

– Но первая и главная твоя задача – помочь нам разыскать Баши, готовься – полетишь в Россию! – распорядился Анубис.

Вознаграждение Бранко пообещали весьма щедрое и, по достоинству оценив уже полученную информацию, выдали небольшой аванс, чтобы бывший агент коммунистической разведки мог себя слегка побаловать в условиях капитализма.

– Должен предупредить, – произнёс на прощание Анубис, – если мне сообщат, что после нашей встречи ты вдруг начал прятать свою семью, это будет непростительная глупость с очень неприятными для твоих близких последствиями...

Выйдя из ресторана, Анубис позвонил Элгазы Юнусбекову. Спустя час, вопрос о Толмаче прозвучал на наречии пуштунов из массивной трубки старого спутникового телефона, подаренного когда-то американцами одному из местных вождей.

Ещё через двое суток, когда Анубис уже успел вернуться в Москву, ему сообщили, где вероятнее всего можно найти нужного ему человека.

Глава 8

После вывода советских войск из Афганистана Шерали Курбанов долго и терпеливо ждал хоть каких-нибудь указаний, но затем понял, что никаких приказов не дожждётся. Тогда он посчитал свой долг исполненным и решил пробираться домой. Ему пришлось пешком пересекать афганско-таджикскую, а затем и таджикско-киргизскую границу с группой своих земляков-контрабандистов.

Чудом оставшись в живых, Шерали вернулся в родной городишко, и с удовольствием отправил себя в отставку. С развалом Союза его Киргизстан стал отдельным государством, и майор Курбанов зажил тихо и неприметно, помогая отцу в гончарной мастерской.

После всего пережитого работа с горшками и кувшинами была истинным наслаждением, Шерали понемногу воскресал к нормальной человеческой жизни, и у него появилась надежда, что прошлое стало, наконец, прошлым.

Руки Шерали помнили глину ещё с детства, когда старый дед Назар-ата приучал его к ремеслу, которое в роду Курбановых передавалось из поколения в поколение. И сейчас душа деда должно была ликовать, видя, наконец, внука за достойным мужчины занятием.

Он рассказывал маленькому Шерали, что этому делу их очень далёкого предка обучил сам Небесный Гончар, сотворивший на звёздном гончарном круге и Землю, и человека. Покровительницей их рода считалась Чабалекей – ласточка, которая лепит себе дом из глины, и на этот счёт была даже легенда, согласно которой именно Чабалекей указала основателю рода, где искать самую лучшую глину...

Незнакомые, очень сосредоточенные люди с мёрзлыми глазами застали Курбанова врасплох: за работой, с руками, перемазанными свежей глиной. Чужаки его скрутили и вместе с ним захватили всю семью: старых родителей, сестру с мужем и двумя их маленькими детьми.

Пленников, кроме Шерали, бросили в погреб под гончарней, где, для лучшей тяги, располагалась печь для обжига посуды, и занесли над люком гранату Ф-1. Шерали понимал: если она упадёт, самых близких ему людей ждёт неминуемая смерть.

Руководивший бригадой человек в прямоугольных очках без оправы приступил к разговору.

Уже по первым вопросам Курбанов понял, что задаются они не с чистого листа – гостю многое известно, а интересуется его, главным образом, судьба последних партий героина и способ выхода на Баши.

Шерали был слишком опытен, чтобы поверить в реальность обмена своей информации на жизнь семьи, но всё равно мучительно пытался что-то придумать.

– Я могу вам назвать вес каждой отправленной мной партии с точностью до грамма, – сказал он, холодея от безысходности и собственного бессилия. – Куда всё это шло дальше, мне уже не докладывали.

– Это похоже на правду, – человек в очках держал лицо Шерали под своим недобрым прищуром, как под прицелом. – Я тебе в этом, может быть, и поверю. Ну, а где может скрываться сейчас Баши?

Шерали выпрямился на своём табурете:

– А в то, что операцией руководили профессионалы – ты согласишься? Что каждый в группе знал только своё место и только свою роль – на правду похоже?

Напряженный интерес в глазах за квадратными линзами погас. В следующий момент Шерали получил пулю в затылок.

Зелёная ребристая граната упала в погреб вслед за его телом...

Игоря долго трясло в раздолбанном вишнёвом «Икарусе» по бывшей асфальтовой дороге от аэропорта Манас до крохотного городка на юге страны, где жил Курбанов. Адрес его Болотников помнил ещё со времён их африканской командировки – друг просил обязательно навестить родителей, если сам он не сможет вернуться.

Они не виделись с тех пор, как закончились переговоры с людьми Масуда, в последние годы связь и вовсе оборвалась, но у Игоря оставалась надежда, что Шерали всё же сумел добраться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.